

Культура. — 1995. — 24 июля. — с. 6.

ИГОРЬ ОБРОСОВ:

Пропорции дегтя в сладкой бочке жизни

Учитель и ученик

Леонид КОЗЛОВ

Эта беседа с человеком замечательным — цельным, честным, трудолюбивым, добрым и бесконечно талантливым. Собственно говоря, потребность в таких встречах и общениях в нынешний раздрызг мнений, эпоху отшумевших идеалов, размытости границ — государственных, духовных, нравственных — более чем желанна: ведь остались же люди на этом огромном пепелище, называемом нашей страной? И один из них — прекрасный российский художник Игорь Павлович Обросов.

Игорь Павлович, трудно сегодня людям взрослым. Но еще труднее людям молодым! Какой дорогой идти и к какому будущему — не ясно.

— Да, горестное и обычное начало в нынешнее время любого разговора, что на улице, что в метро, что на кухонных столах — стартовых площадках так хорошо задуманной и так бездарно исполненной перестройки. Сегодня можно говорить обо всем почти без оглядки ("почти" останется, к сожалению, у нас, пожалуй, навсегда!). И к чему эта свобода самовыражения привела, к какой победе? Что национальной валютой Отчизны стала "забуровая" зеленая бумажка? Или что главный мыслительный центр страны гордо несет вторичное название Белый дом? И мы, не краснея, можем нормально вслушиваться в решения Белого дома?

Величайшей в мире жертвенностью завоеванная нами свобода обернулась выяснением отношений между соотечественниками. Экономический крах, бандитизм с "человеческим лицом", хроническая инфляция. Позор нации — конфликт в Чечне. Армия беженцев. Нищие, брошенные дети. Можно продолжать еще и еще это констатационное перечисление, которого и так хватает на страницах прессы и в промежутках телевизионного времени, между бойкой рекламой и "художником, выражающим образной косноязычностью прошлых лет, один из "инженеров человеческих душ". Во многом на совесть его творчества общее состояние культуры. Как же войти в этот сложный мир, тем более в сегодняшней неразберихе передвижения общественных пластов юные, только начинающему осознать себя личностью?

— Трудиться с утра до вечера, слушать старших, более опытных мастеров и педагогов, изучать культуру прошлого, досконально знать анатомию, исторический быт, костюм, прикладное искусство, архитектуру и так далее, и тому подобное — вы такого от меня ждете ответа? Все это бесконечно так, но... Но жизнь намного сложнее и ответственнее по своим требованиям и нюансам.

Художник, тем более молодой, не должен чувствовать свою избранность, а чаще повторять про себя слова великого Родена: "Я — простой рабочий". Труд, труд и труд; как и в любой профессии — подвижнический, до седьмого пота. Ну а уж результат — это и есть от Бога! И только частный труд и индивидуальная культура каждого из нас приведут к истинному российскому Ренессансу.

— Игорь Павлович, вы только что возглавляли Государственную экзаменационную комиссию на защите дипломов в Строга-

Леонид Козлов.

Игорь Обросов у портрета поэтессы Беллы Ахмадулиной.

новке на отделениях по специальности декоративно-прикладного искусства, монументальной живописи, стекла и керамики, скульптуры...

— На защиту я ходил, как на праздник. Как на сеанс озонотерапии с ожиданием открытия, которое заставит острее взглянуть на себя и в очередной раз задать вопрос: как в нынешних условиях все же выжить истинно талантливому человеку?

— Стиль вашего общения с молодыми художниками — я свидетель тому — самый доверительный и, если так можно выразиться, доброжелательно авансированный. Не боитесь теплотой своей душевной оценки сбить с толку молодого человека, еще по-настоящему не сравнившего себя с жизнью и не обладающего в достаточной степени критическим самоанализом?

— В этом смысле мне близок принцип Сарьяна, вернее, его позиция: никогда никому не выносить негативной оценки. Оценка должна даваться самим человеком — вот чему нужно учиться всю жизнь, и это, пожалуй, мое наиглавнейшее пожелание всякому в жизнь входящему независимо от избранной профессии. Верность определения своих достоинств и недочетов точнее лю-

бого авторитетного мнения "высшего специалиста" извне — будьте зависимы только от одного себя, чтобы ваш личный, внутренний ОТК совести был как можно объективнее — без зазнайства или, наоборот, самоуничтожения. Тогда никакая похвала не испортит, не заденет случайное или нарочито сказанное несправедливое слово.

— А как вы относитесь к нынешним выпускникам вуза — не с налетом ли горечи от ожидания их коллечности и неустойчивости страны, детьми которой они являются? Ведь к ним, молодым специалистам, сегодня предъявляются повышенные требования. Причем требования эти не всегда несут творческие, художественные критерии.

— Нет, художественные и творческие критерии были и останутся всегда главными в искусстве, а требования жизни? Нас, выпускников 60-х, тоже не с медом встречали. У нынешних молодых, только что вступающих в жизнь, свои проблемы, свои пропорции дегтя в "сладкой" бочке жизни. Но на то и дается каждому один раз в жизни высокое физическое и нравственное звание — Молодость, чтобы победить, совершить, достигнуть, заложить основы смысла бытия на

весь дальнейший путь, который может быть или очень долгим, или, увы, оборваться в самом начале: пример тому судьба Виктора Попкова — очень рано состоявшегося художника именно из-за пробуждения его самосознания, вот почему он так много успел сделать за свой короткий век. И в этом еще одно мое пожелание молодым: по мыслям своим и поступкам становитесь как можно раньше зрелыми. Не сорите временем — его не так много впереди, как вам кажется с позиции "вечной" молодости.

— А как вы относитесь к династийным художникам?

— С одной стороны, хорошо, что сын или дочь с первых шагов находится в окружении первоклассных репродукций, книг и проникновенных бесед о предназначении художника на земле. И, никуда не поступая, чадо уже находится в семейной художественной "школе", купаюсь в культуре, волей судьбы подаренной ему, что дает ребенку фору по сравнению со сверстником, лишенным этого. Но перед таким юношей или девушкой стоит другая, порой непреодолимая проблема — не стать "вторым Левитаном". Не повторить руку отца, стилистику его видения. Как ни талантлив тот или иной мастер, но его дуб-

лер Искусству не нужен. В истинном Искусстве все неповторимо и единственно. Каждый, чувствующий себя художником, должен помнить, что он — первопроходец!

Положа руку на сердце, скажу: мне ближе ребята, начинающие себя с нуля. Сами себя создающие. Я — за самосозидание, за самострой мироздания своего "Я".

— Талантливость большинства молодых, покидающих стены института, беспорядна. Но унылость интерьеров этого учебного заведения, многие десятилетия дающего миру блестящих, одаренных людей, поражает и печалит. "Сапожник живет без сапог"? Почему диплом того или иного выпускника носит часто вымышленный, абстрактный адрес и не связан на конкретное пространство? Как преобразили бы молодое вдохновение и азарт эти залы и коридоры! С порога института должно ощущаться вхождение в Храм Искусств. Автографы талантов, покинувших Строгановку, живут в основном только в памяти сокурсников и педагогов, не оставлены во фресках и росписях, декоративной скульптуре и во всевозможнейшем прикладном оформлении.

— Нет, кое-что в этом плане делалось. Эта традиция, хотя и вяло,

была продолжена и в этом году. Но "скрытые резервы", несмотря на безденежье и отсутствие должных художественных материалов, все же есть. Меня в этом плане восхищает праздничное, оптимистичное решение интерьеров Дома ветеранов кино, в стенах которого студенты Московского текстильного института свои курсовые и выпускные работы сразу привязывают к определенному месту, а после защиты — дарят свой труд этому дому, его постояльцам и гостям. Радость обоюдная: молодой художник на практике проверяет свои возможности, а произведение его уже начинает нести радость людям. Произошло слияние требований жизни, творчества и истинной востребованности молодого дарования. Так, пожалуй, должна поступить и Строгановка. И не она одна. Интерьеры банков, перспективы нового решения улиц — оперативнейшие просторы творчества!

— В окончании высшего учебного заведения есть и что-то жутоватое: несколько лет о тебе думали, заботились. И вдруг — самостоятельность, свобода выбора той или иной тропинки — судьбы, которая, кто знает, куда может привести без учителя и наставника, до этого всегда бывшего рядом.

— Истинную самостоятельность и независимость от любых жизненных обстоятельств дает, конечно, глубокое освоение избранного ремесла плюс — и говорить-то неудобно вслух, настолько это очевидно, — настоящий талант, а учитель, с которым мы только что расстались, — это самообман. Учитель всегда будет жить в нас! То, что он нам дал и что мы от него недополучили, это на всю жизнь с нами. К сожалению, недополучение студентом тех или иных знаний не всегда связано с ленью последнего. Часто недоученность молодого специалиста лежит и на совести старшего, опекавшего его, — об этом может быть отдельный разговор. Но у каждого из нас есть и учителя духовные, с которыми в жизни-то мы ни разу не встречались. Для меня — это Петров-Водкин и Александр Дейнека. И все мои друзья, коллеги, единомышленники — это одновременно и мои учителя: Павел Никонов, Олег Вуколов, Олег Савостюк... И незабываемые гиганты — Тальберг и Попков! И молодежь, с которой я встречаюсь сегодня, — тоже мой Учитель.

— А что бы вы себе пожелали к концу нашего разговора?

— Пройдена значительная часть жизненного пути. Я, пожалуй, возвращаюсь с ярмарки. Лучшее, на что способен был, вероятно, уже создано. И все же я, как и каждый художник, надеюсь: главная песня не спета. Лучший, программный холст впереди! Кто знает, может, из многого задуманного кое-что покажу осенью этого года на своей отчетной персональной выставке, приуроченной к моему 65-летию, в залах картинной галереи "Интерколор" на улице Чехова.

— Ну что ж, до встречи! И за работу!